

Вс. С. Соловьев — Ф. М. Достоевскому

12 (24) июня 1873 г.

12/24 Июня 1873 г. Женева.

Многоуважаемый, дорогой Федоръ Михайловичъ, больше двухъ недѣль пробылъ я въ Парижѣ и, хотя попалъ въ очень веселое общество и воспользовался всѣми Парижскими удовольствіями; но, признаться, скучалъ изрядно да вспоминалъ напутственныя слова Ваши, оказавшіяся вполнѣ справедливыми. Я изъ себя выводилъ Французовъ моимъ равнодушіемъ къ красотамъ ихъ несравненнаго города и, подѣ конецъ, чтобы не перессориться съ ними окончательно, сталъ увѣрять ихъ, что мой восторгъ сидитъ внутри меня, что я восхищаюсь, только не умѣю выразить это жестами и взорами. Они удивлялись странности и дикости русской натуры и, разумѣется, краснорѣчиво выставляли при этомъ превосходство своего характера, своей комплекціи, способной отзываться на все прекрасное (а истинно прекрасное заключается въ ихъ Парижѣ), способной сразу схватывать и всасывать въ себя все окружающее, въ одно и тоже время наслаждаться <л. 6> тончайшими наслажденіями¹ всѣхъ чувствъ безъ исключенія. Долго я не могъ вырваться изъ очаровательной цѣпи ихъ любезности; но наконецъ какъ-то порвалъ эту цѣпь и, уставшій, пріѣхалъ въ Женеву, въ маленькую, простенькую и чистенькую Женеву, <ото>рая, по какому то капризу, мнѣ необыкновенно нравится. Три дня осматриваю все, что можно: началъ, разумѣется, съ того, что съѣздилъ пощупать настоящее Вольтеровское кресло; потомъ сдѣлалъ кругъ по Леману — осмотрѣлъ Лозанну, Веве, Шильонъ, а сегодня направляюсь въ Шамуни. Поѣздки свою въ Италію отменяю, ибо, по юности и неопытности, сильно отоцалъ карманомъ въ Парижѣ и изъ Швейцаріи, черезъ² Мюнхенъ и Дрезденъ, возвращаюсь во свояси. Потомъ недѣли на двѣ съѣзжу къ своимъ въ Москву и въ половинѣ Іюля, если возможно то, о чемъ мы говорили, и что мнѣ очень улыбается, я буду совершенно въ Вашемъ распоряженіи.

Не смотря на скуку одиночества (съ милыми парижанами я чувствовалъ себя одинокимъ вѣроятно <л. 6 об.> вслѣдствіе превосходства ихъ натуры) я очень доволенъ своимъ путешествіемъ — чую въ себѣ много новаго — чего... еще опредѣлить не могу, еще не разобрался въ сумбурѣ, меня наполняющемъ; но новое есть, есть безспорно.

Поэтому то я пишу Вамъ безсвязно и глупо, кромѣ того усталъ страшно, а поговорить съ Вами все же хочется, хочется еще, по несчастной привычкѣ, сказать Вамъ то, что пригрезилось мнѣ вчера на озерѣ:

Чуть шепчутся въ полдень горячій
Лазурныя воды Лемана,
Какъ куполь всемірнаго храма

¹ В подлиннике ошибочно: настлажденіями

² В подлиннике ошибочно написано с заглавной буквы.

Сверкаетъ вершина Монблана.

—

*Серебрянной, чистою тканью
Снѣга вѣсковые узоры
Небрежно кругомъ разбросали
На эти маститыя горы;*

—

*И горы стоятъ неподвижно
Красуясь вѣчнымъ нарядомъ,
И смотрятъ на берегъ цвѣтущій
Холоднымъ и сумрачнымъ взглядомъ.*

—

*А берегъ въ вѣнкъ виноградномъ
На зелени пышной играетъ,
И нѣжно горамъ улыбаясь
Имъ звонкую рѣчь посылаетъ:*

— <д. 7>

*«Ну что же вы, снѣжныя горы,
Глядите такъ строго, сурово —
Неужли вамъ, старымъ, не любо
Все то, что и ярко и ново?!*

—

*«Неужли вамъ, старымъ, не любо
Смотрѣть какъ я быстро мѣняюсь,
Какъ съ каждымъ людскимъ поколѣньемъ
Все въ новый нарядъ наряжаюсь?!».....*

—

*Но горы, сверкнувши снѣгами,
Закутались въ дымку тумана,
И вѣтромъ холоднымъ дохнули
На свѣтлыя воды Лемана;*

—

*Могучимъ громовымъ ударомъ
Отвѣтъ съ ихъ вершины скатился
И берегъ, дрожа и блѣднѣя,
Слезами въ испугъ залился. —*

*Какъ то Вы это найдете?! Разорвете или напечатаете къ моему приѣзду —
Надѣюсь, что увижу Васъ здоровымъ, и что скоро увижу, потому что, если не
провалюсь на ледникахъ, то недѣли черезъ двѣ или даже полторы буду въ Петербургъ.*

*Передайте, прошу Васъ, мое глубочайшее почтение Аннѣ Григорьевнѣ и поцѣлуйте
Вашихъ милыхъ дѣтокъ лишній разъ на мою долю.*

Глубоко и искренно уважающій Васъ и любящій

Вс<.> Соловьевъ <л. 7 об.>

Источник текста: НИОР РГБ. Ф. 93.П.8.122. Л. 6–7 об.

Из Женевы. <В Петербург.>

Упоминается в пересказе: *Описание*, 486; с цитатами — *МиИ*, VI, 243; *Летопись*, II, 382.

Впервые опубликовано: Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского и его корреспондентов [Электронный ресурс] // Электронные научные издания: сайт кафедры русской литературы и журналистики ПетрГУ. URL: <http://philolog.petrsgu.ru/fmdost/letters/letters.htm> (11.10.2017).

Публикуется по автографу.

Комментарии:

...сѣздилъ пощунать настоящее Вольтеровское кресло... — Ф.М. Вольтер жил в Женеве в 1755–1760 гг. В его доме (ул. Делис, д. 25) впоследствии был организован Институт и музей Вольтера.

...сдѣлалъ кругъ по Леману — осмотрѣлъ Лозанну, Веве, Шильонъ... — Леман (франц. *Le Léman*) — Женевское озеро. Лозанна и Веве — города на северном берегу Женевского озера. Шильон — средневековый замок на восточном берегу Женевского озера, в трех километрах южнее города Монтрё. Воспет Дж. Байроном в поэме «Шильонский узник» (1816).

...направляюсь въ Шамуни. — Шамуни (*уст.; совр.: Шамони*) — небольшой город во французских Альпах, издавна известный как горнолыжный курорт.

...если возможно то, о чемъ мы говорили, и что мнѣ очень улыбается, я буду совершенно въ Вашемъ распоряженіи. — Речь идет о постоянной работе для Вс. С. Соловьева в редакции «Гражданина». В записной тетради Ф. М. Достоевского 1872–1875 гг. среди отметок под рубрикой «Моя Редакція» (сделаны в первые месяцы редакторства писателя в «Гражданине») имеется запись: «Секретарь Соловьевъ» (РГАЛИ. Ф. 212.1.11. Л. 7; ср.: *ДЗ0*, 21, 259). Запись трактовалась Г. Ф. Коган и Г. Я. Галаган как указание на планы Достоевского привлечь на должность секретаря редакции Н. И. Соловьева, бывшего сотрудника журнала «Эпоха» (см.: *ЛН*, 83, 331; *ДЗ0*, 21, 513). Согласиться с такой версией нельзя, поскольку Н. И. Соловьев постоянно проживал в Москве, а не в Петербурге. Должность секретаря редакции появилась в «Гражданине» в марте 1873 г. (см.: *МиИ*, XVIII, 395); вопреки первоначальным планам Достоевского, ее занял (возможно, с подачи В. П. Мещерского) В. Ф. Пуцыкович. После этого, очевидно, предполагалось подыскать для Вс. С. Соловьева какую-то другую постоянную работу в редакции. 7 июня 1873 г. Вс. С. Соловьев сообщал матери в письме: «В Петербурге мне нужно устроить дело с редакцией, которое мне очень выгодно» (*Летопись*, II, 381). Эти надежды Вс. С. Соловьева не оправдались; 9 ноября он вновь писал матери: «Мое дело с редакцией не выгорает из-за положительной невозможности найти новое удобное помещение для редакции. — Достоевский из себя выходит, да делать нечего» (*ЛН*, 86, 433).

Какъ то Вы это найдете?! Разорвете или напечатаете къ моему приѣзду... — Стихи «Чуть шепчутся в полдень горячий...» не были помещены в «Гражданине».